

Д. Э. Шодмонова

О ТРИХОТОМИИ «ЯЗЫК – НОРМА – РЕЧЬ»

Данная статья посвящена трихотомии, т. е. преобразованию языка, нормы и речи. В статье анализируется проблема преобразования языка в речь, которые составляют неразрывную целостность. И язык, и речь, в свою очередь, подразделяются на фонетическую, лексическую, орфоэпическую, орфографическую, морфологическую, синтаксическую разновидности. С целью раскрытия данной проблемы приводятся различные позиции зарубежных и отечественных лингвистов относительно дифференциации языка, нормы и речи. Особое внимание уделяется анализу нормы, которая углубленно рассмотрена известными узбекскими лингвистами.

Ключевые слова: дифференциация языка и речи, эмпирическое и теоретическое познание, описательное, резонирующее, подлинно научное языкознание, язык как система, речевая реализация языка, норма, узус и речевая деятельность, кодификация, термины языка, норма, речь, узбекское и мировое языкознание, нормативная система узбекского литературного языка, социальная норма, речь пожилых, словарное богатство.

Проблема дифференциации языка и речи такая же древняя, как и само языкознание. Последнее её описание обобщено в формально-функциональном направлении узбекского языкознания. В этом аспекте изучение узбекского языка как системы можно разделить на следующие этапы:

- а) изучение речи как системы;
- б) изучение языка как системы;
- в) изучение речи как системы.

Повтор «изучения речи как системы» (этапы а и в, указанные выше) может вызвать возмущение или же удивление. На первый взгляд, это создаёт впечатление неразрывной цепи философского познания: «эмпирическое познание – теоретическое познание – эмпирическое познание». Действительно, состояние языка – это частная разновидность в познании общепознательного явления. Хотя это и так, необходимо разъяснить этап повтора в познании речи как системы так же, как и в цепи «эмпирическое познание – теоретическое познание – эмпирическое познание». Этапы а и в – «изучение речи как системы» – существенно отличаются друг от друга. На первом этапе язык изучается только как языковое явление, поэтому ученые этот этап называют этапом фактографии.

Большое значение в этом вопросе приобретает концепция И. А. Бодуэна де Куртенэ. Подразделяя языкознание на описательное, резонирующее, подлинно научное, как описывающее языковые единицы и дающее сведения об обязательных материальных познаниях, учёный говорит следующее: «В полном смыс-

ле являющееся эмпирическим описательное направление будет занято сбором и обобщением внешних доказательств, не ставит своей целью объяснение причинных связей, генетических и родственных отношений между ними. Сторонники этого направления, когда говорят о научной проницательности, понимают создание описательной грамматики, упорядочение словаря, публикацию памятников, дают точные лингвистические сведения без всяких выводов. Подведение итогов считают преждевременным, или же считают делом»¹, требующим очень большой смелости.

Как видно из этого утверждения, если не брать во внимание некоторой иронии языковеда, написание хорошей грамматики, составление словаря и публикация памятника всегда будут оставаться первой необходимостью науки, т. к. без них даже самые великие теории оцениваются как необоснованные. Эта мысль явно доказывает, насколько важен первый этап изучения языка в качестве речи. Это является, в полном смысле слова, первым и необходимым шагом ко второму этапу науки – «изучению языка как системы». На этом этапе реализуется задача систематизации, являющейся первым этапом изучения языка как системы.

Второй этап (изучение языка как системы), в отличие от первого, будет обладать не только языковым видом (первый этап обладал только видом «речь»), но и видом «речь – язык». Ибо, как признано всеми языковедами, восстановление языковой обобщенности и сущности должно быть реализовано только на основе речевых явлений.

Обладание свойством «речь – язык» на этом этапе, как отмечено И. А. Бодуэном де Куртене, способствует тому, что без нее (без речи), даже великие теории будут оцениваться как необоснованные.

Третий этап («изучение речи как системы») в некоторых отношениях отличается от предыдущего. Этот этап так же, как и первый, не обладает только видом «речь», ибо на этом этапе языковед ведет работу на основе обобщенности и сущностей, восстановленных на втором этапе, а точнее, рассматривает реализацию в качестве речи. Значит, языковед на этом этапе рассматривает второй этап в обратном порядке, на основе принципа «язык – речь». Однако наряду с восстановлением языковых особенностей речи нельзя рассматривать это как речевую реализацию одного явления, направленного в две разные стороны, так как восстановление, выявление, определение языковых сущностей, затаённых в изученных речевых явлениях, – все это субъективный процесс. Это осознают не все носители языка, а лишь специалисты. Действительно, языковая сущность находится в сознании членов общества как объективная социальная идеальная реальность. Однако ее выявление – это субъективный процесс.

Речевая реализация языка представляет собой объективное явление, которое также происходит на основе определённых объективных закономерностей, так как мы становимся свидетелями разнообразной реализации языка на основе различных оснований – речевых условий, стиля разновидностей речи (литературной, диалектной). Именно это явление показывает, что речевая реализация языка «язык – речь» – это не просто разновидность языка, она указывает на то, что между языком и речью есть ещё что-то. Это промежуточное звено в языкознании называется термином «норма»². Изучение проблемы языковой нормы в лингвистике связано с именем одного из основоположников структурной лингвистики Ф. де Соссюра. Как утверждает Р. Зикриллаев, при дифференциации языка и речи не уделено внимания роли нормы³. Именно норма и представляет собой то «связующее звено» двух основных понятий: язык и речь.

При дифференциации языка на язык, норму и речь, разумеется, норма характеризуется устойчивостью, постоянством и идеальной природой, на основе этих признаков она демонстрирует свою склонность не к речи, а к языку. По нашему мнению, Ф. де Соссюр в данной дифференциации подразумевал ее социальную

обусловленность, то, что она не ориентирована на непосредственное восприятие, так как он, выбирая язык за основу в оппозиции «язык и речь», утверждает⁴, что «язык выполняет роль нормы для всех разновидностей речевой деятельности»⁵.

Л. Ельмслев, рассматривая язык как форму, противопоставляет речь целостному единству нормы, узуса и речевой деятельности. Уделяя большее внимание социальной норме, ученый описывает её как некую совокупность абстрактных представлений, рассмотренных в отрыве от узуса. Он выдвигает идею о том, что абстрактность не является обязательным компонентом при ее лингвистической реализации⁶.

Взгляды Э. Косериу в какой-то мере совпадают с мнением Л. Ельмслева. Он оценивает язык в виде дихотомии «система–норма». Под возможностями языка и нормы он понимает внешнюю реализацию нормы, осуществляющуюся со стороны членов определенного языкового общества⁷. Значит, Ф. де Соссюр рассматривает норму в составе языка, а Л. Ельмслев и Э. Косериу – в составе речи.

Члены Пражского лингвистического кружка (Е. Матезиус, Б. Хав-ранек, А. Едличка, Г. Трнка, Й. Вахек, В. Барнет), выражая свое отношение к проблеме нормы, «ограничили с научной точки зрения понятия нормы и кодификации языка, обосновали стилистическую разветвленность литературного языка, подтвердили, что в литературной норме существуют признаки устойчивости и развивающиеся способности, а также еще более развиты и введены в круг научных лингвистических обращений такие понятия, как узус, система, норма, кодификация»⁸.

В результате вышеизложенного становится очевидным, что речевая реализация языка происходит на основе закономерностей нормы. В связи с этим приведем обобщенные описания используемых в узбекском языкознании терминов язык *лисон* (уст. книжный язык), норма, речь.

«Язык – это чисто лингвистическая способность и возможность. Он является формирующим (кодифицирующим), сохраняющим в памяти прочную систему, самым важным человеческим социально-духовным и непосредственным коммуникативным средством. Диалектическое единство основных (главных) внутренних противоречий в языке выполняет функции названия (номинатива) и выражения (экспрессивности)»⁹.

Лисон – иерархическая система сложной структуры, свойственная УМИС¹⁰, объединяющая в себе многогранные образования, очень восприимчивые к влияниям внешних условий, представляющая собой имманентное свойство изменения, развития и согласованности.

Когда говорят *лисон*, то подразумевают ранее подготовленные (со стороны предыдущих поколений) и приведённые в готовый вид для всех, содержащие для выражения мысли и других целей, а также объединение закономерностей взаимосочетаемости таких единиц.

Норма, являясь внешним фактором по отношению к внутренней структуре *лисона* (языка), специальным единицам намечает место реализации признаков каждой из них, исходя из лингвистических возможностей – синонимических рядов, дублетов, алловариантов и вариантов.

Речь – это определенная материальная реализация одной из форм (письменной, устной, изобразительной, жестовой, сигнальной и др.), проведенной через «сито» нормы языка.

Проблеме нормы в узбекском и мировом языкознании уделено очень большое внимание. Эта проблема, прежде всего, была рассмотрена в соответствии с задачами стилистики и культуры речи. Как утверждает один из основоположников узбекской литературной нормы Э. Бегматов, проблема нормы «в начале XX века была на новом этапе прогресса узбекского литературного языка. Её фундаментом были назначение диалектной основы, разрешение проблем письма и алфавита, разработка орфографии, исправление существующих орфографических правил, вообще устранение колебаний в использовании языковых единиц, неясностей, усовершенствование терминов, создание грамматик, стремления по реализации задач по налаживанию работ обучения также являлись составной частью решения проблем культуры речи»¹¹.

Из всего сказанного следует вывод о том, что определённая часть исследований, посвященных анализу узбекского языка, служила разрешению проблем литературных норм данного языка.

Во всех исследованиях уделено внимание вопросам литературной нормы. Так, например, в «центре основного внимания было оказание помощи в раскрытии намеченных важных закономерностей и правильных образцовых явлений в нормативной системе узбекского литературного языка, определение нелитературных явлений или же ошибок и недостатков»¹¹.

Язык в речи реализуется по-разному. Он может выявляться и в качестве литературного языка, и диалекта, и говора в речи различных слоев и сословий, а также согласно различным речевым условиям и ситуациям. Вот эта согласованность и особенность приобретает характер нормы.

Лингвистическая система общенародного языка реализуется в двух видах: в виде диалекта и литературного языка. Значит, прежде всего, существуют нормативные закономерности в литературном языке и диалекте; эти закономерности служат делению общенародного языка на две составные части, а также обеспечению каждой из них своеобразного функционирования. Поэтому диалектная и литературная нормы дифференцируются. Это в виде схемы можно отобразить следующим образом:

Общенародный язык(лисон)	
диалектная норма	литературная норма

В узбекском языкознании широко и глубоко изучены общенародная и диалектная разновидности языка. И проблеме нормы в литературном языке уделено большое внимание. Но это не означает, что речевая разновидность диалектов ненормативна. В связи с тем, что в диалекте реализуется язык, который, разумеется, происходит на основе лингво-социального «повеления» говорящему, по определённому «ограничению», то «ограничение» (образец) и социальное повеление образует норму.

Говоря о свойствах нормы в диалекте, Э. Бегматов отмечает: «Не следует понимать, что её обязательное формирование и развитие происходит стихийно, а напротив, осуществляется негативно, на основе представления: мы так не говорим, мы не говорим так»¹².

Каждая из двух разновидностей норм узбекского общенародного языка согласует речь говорящих на данном языке с их речевыми возможностями и условиями лингвистической системы.

Две разновидности норм преобразуют лингвистические единицы в речь.

Диалектная норма	Литературная норма
Фонетическая норма	Фонетическая норма
Лексическая норма	Лексическая норма
Словообразовательная норма	Словообразовательная норма
Морфологическая норма	Морфологическая норма
Синтаксическая норма	Синтаксическая норма

Углубленно изучая теоретические и практические проблемы литературной нормы в узбекском языкознании, Э. Бегматов исследовал и дифференцировал фонетические, морфологические, словообразовательные, синтаксические нормы в узбекском литературном языке. Учёный оценивает каждую из них по отношению к понятиям: система – структура – узус. Языковед делит норму на 2 разновидности: а) общую норму, б) частную норму.

По утверждению учёного, общая норма свойственна всем формам языка (письменной и устной формам, народно-разговорному языку, говору, диалекту, профессиональному, жаргону и др.). В исследовании обращено внимание на проблему отношения общей нормы языка с системой, речью, структурой, узусом, описываются устойчивые признаки этой нормы: традиционность, историчность, устойчивость, объективность. Под частной нормой языковед понимает стилистическое отвлечение нормы, а также и закономерности, определяющие речь отдельного индивида. В связи с этим он описывает норму речи общества, группы в виде общественной (социальной) нормы; норму отдельного социума в виде частной (индивидуальной) нормы.

Преобразование лингвистических единиц в речь на основе диалектных литературных норм происходит непосредственно на основе социального отбора через «сито».

Диалектная норма	Литературная норма
Фонетическая норма	Фонетическая норма
Лексическая норма	Лексическая норма
Морфологическая норма	Морфологическая норма
Словообразовательная норма	Словообразовательная норма
Норма построения предложения	Норма построения предложения
социальная норма	

Социальная норма предопределяет реализацию каждой лингвистической единицы согласно мере – соответствию речевым условиям и речевым обстоятельствам.

Как известно, речевой процесс непосредственно связан не только с языком или языкознанием, но и с десятками факторов. Во многих случаях данная проблема как в теоретическом, так и в практическом аспектах оставалась вне внимания. Как правило, языкознание как наука было занято изучением нормы литературного языка, вне его специального внимания оста-

вались дифференциация специфики речи людей разных слоев, сословий, возрастов. Практическая же лингвистика в курсе «Культура речи» постоянно разъясняла необходимость соблюдения закономерностей письменного литературного языка, ибо язык, являясь не социальным, но социально-духовным явлением, отражает дух национальности. Естественно, на речь каждого индивида влияют его духовные переживания, особенности его сословия, группы, психология.

Если некоторые единицы активного употребления в речи пожилых людей являются сверхпассивными в речи молодёжи, то многие языковые единицы из речи молодёжи совершенно не используются пожилыми. Наша «культура речи» всегда требует от молодёжи использования тех единиц, которые являются социально закреплёнными в речи пожилых. Если в речи пожилых превалируют жизненный опыт, мудрость, примерность, поучительный тон, то в речи молодёжи проявляется озорство, игривость, т. е. многие слова выражают поверхностное суждение об обстоятельствах. Например, как бы ни твердили молодёжи о том, что при зевании необходимо говорить «Астагфурулло»¹³, при чихании – «Алхамдулилло», чихающему – «Ярхамакуллаху ва яшифик»¹⁴ – этим наставлениям молодые люди не следуют, и в речи не используют. В редких случаях использования этой этикетной речевой модели слушающему почему-то кажется это несколько неподходящим.

Следовательно, в разъяснении культурной речи мы не учитываем молодость индивида, и в результате этого наши старания оказываются безрезультатными. И в некоторых художественных произведениях речь молодёжи не отличается от речи пожилого человека, поэтому язык такого произведения не отличается живостью. Это, в свою очередь, свидетельствует об актуальности задач, о том, что язык должен соответствовать обществу, что он отличается своеобразием. Это требует научного изучения и внедрения в жизнь закономерностей живой речи.

Словарь не успевает полностью охватить всё богатство языка, отражающего каждое изменение и новости, происходящие в жизни общества. А между тем в передовых зарубежных странах каждое новое слово, новые значения слов регистрируются и размещаются в электронной версии словаря. С учётом этого обстоятельства социальная норма намечает реализацию языка в зависимости от различных слоёв,

сословий, речевых условий и обстоятельств в обществе.

На основе вышеизложенного обобщим норму языка в виде схемы-таблицы следующим образом:

Общенародный язык (лисон)	
Диалектная норма	Литературная норма
Социальная норма	
Фонетическая норма	Фонетическая норма
Лексическая норма	Лексическая норма
Орфоэпическая норма	Орфоэпическая норма
Морфологическая норма	Морфологическая норма
Словообразовательная норма	Словообразовательная норма
Норма построения предложения	Норма построения предложения
Речь	

Литературная норма определяет использование лингвистических единиц соответственно норме речевого стиля. Поэтому различаются следующие виды нормы (согласно речевому стилю):

- а) разговорная норма;
- б) художественная норма;
- в) научная норма;
- г) официальная норма;
- д) публицистическая норма.

Среди них особо выделяется художественная норма, в составе которой функционирует норма, определяющая художественную речь.

Примечания

¹ Цит. по: Звегинцев, В. А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях. Ч. I. М., 1960.

² См.: Каримов, С. Обучение языку и норма : учеб. пособие. Ташкент, 2002. С. 17.

³ См.: Зикриллаев, Т. З. Независимость и литературный язык : монография. Ташкент, 2004.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Цит. по: Звегинцев, В. А. История языкознания... С. 324.

⁶ См.: Там же. С.59–61.

⁷ См.: Косериу, Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып.3. М., 1963, С. 175.

⁸ Зикриллаев, Т. З. Независимость... С. 18.

⁹ Сайфуллаева, Р. Современный узбекский литературный язык : учеб. пособие // Р. Сайфуллаева, Б. Менглиев, М. Курбонов и др. Ташкент, 2006. С. 26.

¹⁰ УМИС – Умумийлик – всеобщность, единство; Мохийат – сущность; Имконият – возможность; Сабаб – причина.

¹¹ Бегматов, Э. Литературная норма и культура речи // Э. Бегматов, М. Асомиддинова, Б. Умуркулова. Ташкент, 1983. С. 6.

¹² Бегматов, Э. Литературная норма... С. 17.

¹³ Астафурullo – Прошу у бога добра. 1) Каюсь! 2) Бог, прости меня! 3) Боже сохрани!

¹⁴ Алхамду Лиллохи – Хвала Аллаху Единственного Аллаху. Только для него.